

DOI 10.31029/vestdnc95/17

УДК 39(470.67):745.522.2

О ДРАКОНОВЫХ МОТИВАХ В ОРНАМЕНТИКЕ ДАГЕСТАНСКИХ ГЛАДКОТКАНЫХ КОВРОВ

С. М. Гарунова, ORCID: 0009-0004-2633-1286

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

ON DRAGON MOTIFS IN THE ORNAMENTATION OF DAGHESTAN FLAT-WOVEN CARPETS

S. M. Garunova, ORCID: 0009-0004-2633-1286

Institute of Language, Literature and Art of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. В публикациях по кавказскому ковроткачеству драконовые ковры часто интерпретируются как изобретение одного из кавказских народов, которое явилось исходным базисом для возникновения локальных «имитаций драконовых ковров» периферийных этносов. Предлагаемый в статье подход к вопросам классификации ковров Восточного (Прикаспийского) Кавказа по регионам (Ширван, Куба, Южный Дагестан) состоит в рассмотрении ковроткачества данных областей в контексте того, что в российский и советский периоды истории большая часть ковровых рисунков, идентифицируемых с конкретными ткацкими центрами (селами, микроразонами), использовалась в ковровом производстве упомянутых регионов повсеместно, т.е. безотносительно к этническому многообразию (азербайджанцы, лезгини, таты, табасаранцы, агулы, цахуры, рутульцы) населения. В этой связи обращается внимание на степень вовлеченности Азербайджана и Дагестана в международную торговлю коврами, ориентацию коврового производства этих стран на запросы европейского и американского рынков, на то, что во второй половине XIX в. только в Дагестане в сфере коврового производства работало более 40 тыс. ковровщиц. Отмечено, что *драконовые ковры – сумахи* ткались главным образом в лезгинских селениях Азербайджана и Дагестана, а также что гладкотканые ковры *дум* и *давагин*, производством которых занимались аварские и кумыкские ткачи, по своим художественно-техническим характеристикам, с одной стороны, абсолютно идентичны, а с другой – не имеют прямых аналогов в мире.

Abstract. In publications on Caucasian carpet weaving, dragon carpets are often interpreted as an invention of one of the Caucasian peoples, which served as the initial basis for the emergence of local “imitations of dragon carpets” of peripheral ethnic groups. The approach proposed in the article to the issues of classifying carpets of the eastern (Caspian) Caucasus by region (Shirvan, Quba, Southern Dagestan) consists in examining the carpet weaving of these regions in the context of the fact that in the Russian and Soviet periods of history, the majority of carpet designs identified with specific weaving centers (villages, micro-zones) were used in carpet production in the aforementioned regions everywhere, i.e. regardless of the ethnic diversity (the Azerbaijanis, Lezgins, Tats, Tabasarans, Aguls, Tsakhurs, Rutuls) of the population. In this regard, attention is drawn to the degree of involvement of Azerbaijan and Dagestan in the international carpet trade, the orientation of carpet production in these countries to the demands of the European and American markets, and the fact that in the second half of the XIX century, more than 40,000 carpet weavers worked in the carpet production industry in Dagestan alone. It is noted that *dragon carpets – sumakhs* were woven mainly in the Lezgin villages of Azerbaijan and Dagestan, and also that the smooth-woven carpets *dum* and *davagin*, produced by Avar and Kumyk weavers, are absolutely identical in their artistic and technical characteristics on the one hand, and on the other hand, have no direct analogues in the world.

Ключевые слова: Дагестан, ковроткачество, драконовые мотивы, гладкотканые ковры.

Keywords: Dagestan, carpet weaving, dragon motifs, flat-woven carpets.

В ряду характерных особенностей кавказских ковров специалисты отмечают контрастное сочетание ярких цветов на фоновой части ковра, выразительность композиции и основных элементов геометрического орнамента, а также изображение стилизованных птиц и животных, которые несут в себе явно архаическую символику [1–2]. Все эти признаки, которые характерны для кавказских ковров, датируемых XIX в., с точки зрения преемственности традиций ковроткачества, т.е. в сравнении с художественно-техническими характеристиками более ранних (XVI–XVIII вв.) ковров, не рассматривались.

Кавказских ковров, самые ранние из которых датируются XVI–XVIII вв., в мире сохранилось, по оценкам экспертов, примерно 550 образцов [3–4]. Ареал происхождения самых ранних, датируемых XVI в., драконовых ковров специалисты локализируют (на основе наличия признаков орнаментального сходства) в юго-западной части Кавказа, т.е. у нынешних границ Турции и Ирана [5–6].

Надо сказать, что в публикациях по кавказскому ковроткачеству преобладают подходы к генезису ковроткачества на Кавказе, которые ставят под сомнение саму правомерность существования такого полиэтничного по природе своей явления (и понятия), как «кавказские ковры». За редким исключением данный термин истолковывается не как общекавказская (подразумевающая как отличия, так и близость к сопредельным мировым ковровым традициям) дефиниция, а как нечто периферийное, производное (или усвоенное) от традиции одного из «этносов-родоначальников» кавказского ковроткачества. При этом не принимается во внимание то, что престиж народов определяется не их делением на «культурных» доноров и реципиентов, а тем, как эти самые народы сумели развить у себя те или иные материальные, духовные, поведенческие и иные заимствования.

С точки зрения исследовательских перспектив представляется ограниченным и узколокальный подход к классификации ковровых орнаментов по селам и городам, основанный главным образом на специфике местных узоров. Так, по мнению выдающегося исследователя искусства ковроткачества М. Фрэнсиса, классификации ковров по городам или селениям, основанные главным образом на характеристиках узоров, «ненадежны и создают путаницу среди авторов, пытающихся сгруппировать ковры по предлагаемой для Восточного Кавказа классификации» [7, с. 96]. Еще один фактор, учет которого в классификации ковров имеет ключевое значение применительно к Кавказу вообще и его Прикаспийской части в особенности, – это «географическое положение страны, степень ее доступности, и расположение ее на торговых путях» [8, с. 5]. Нельзя не заметить и то, что существующие классификации кавказских ковров разработаны безотносительно истории ковроделия, в частности того, что в последние два десятилетия XIX в. из-за быстрого роста спроса на них в Европе и Америке «термин “кавказские ковры” применяется к ткачествам неоднородного населения на большой территории и включает ковры, сотканные в домах сельских жителей и полукочевников, а также в небольших и крупных мастерских» [7, 112]. Сложность классификации ковров заключается еще и в том, что «характеристики более чем одного района нередко объединяются в одном ковре, и, кроме того, тенденция современности направлена на стирание местных особенностей» [7, с. 97]. Иначе говоря, названия рисунков ковров по местностям их производства («Микрах», «Ахты», «Кабир», «Чичи» и др.) не означает, однако, что ковры с этими рисунками ткались только в перечисленных лезгинских селениях.

Отсутствие жесткой «этнической привязки» к производству тех или иных ковров прослеживается и в том, что гладкотканые ковры-килимы типа *дум* разных рисунков, включая драконовые, ткали и в аварских, и в кумыкских селениях, причем с той степенью схожести, что отличить по внешним признакам, какой из них соткан кумычками, а какой аварками, невозможно.

Думы представляют собой гладкотканые ковры-килимы длиной до 3 до 5 и более метров в длину и около 1,5 метров в ширину с утолщенными (двойными) нитями основы (для тепла) и иногда с кожаными петлями на одной стороне по длине (если ковер предназначался для того, чтобы повесить на стену комнаты). Обычный фон *дума* – синий цвета индиго, при этом узоры красного цвета с желтыми и реже белыми нитями обводки. Первым обратил внимание на наличие драконовых мотивов в аварских и кумыкских коврах *дум* в 1996 г. Пол Рэмси [9]. Исследователи восточных ковров обнаруживают сходство по дизайну и цветовой палитре между драконовыми дагестанскими (аварскими и кумыкскими) коврами *дум* и азербайджанскими коврами, датируемыми XIII–XIV вв. [10; 11]. В Дагестане мотивы конфликта дракона и феникса (симург) прослеживаются в различных объектах материальной культуры (резьба по камню и дереву, кайтагские вышивки и др.) [12–14]. Отметим также наличие на Кавказе, в частности в Дагестане, богатой фольклорной традиции, в которой содержится колоритный и оригинальный образ дракона-змея [15].

В дополнение к отмеченным выше вариантам «этнической привязки» производства ковров приведем еще один пример, демонстрирующий специализацию двух этнографических групп одного и того же этноса на производстве разных ковров с сильно отличающимися друг от друга рисунками: кумыкские ковры-килимы с их неповторимым сочетанием кавказских и древнетюркских орнаментальных мотивов и, что примечательно, с двумя сильно выраженными, совершенно отличающимися южнокумыкскими (Каякент) и северокумыкскими (Кумторкала) орнаментальными традициями, ткали только каякентские и только кумторкалинские кумыки соответственно [16; 17].

Кавказские драконовые ковры выделяются преимущественно геометрическими, сочетающимися сильно стилизованные и натуралистические зооморфные паттерны узорами. Парадоксально, что едва

ли не каждый из рассматривавших данный тип ковров авторов задавался вопросом – откуда на Кавказ попали драконовые орнаменты? По Великому шелковому пути? [18] Через царство гуннов на Кавказе? [19] От персидского художника-дизайнера времен Шах-Аббаса, который придумал драконовый рисунок ковра и приумножил традиции своих учителей? [20] Или орнаменты эти зародились у народов с ковроткацкими традициями под влиянием собственных поверий, суеверий, мифологии? Остаются проблемными и вопросы взаимосвязи кавказского фольклора об «аждах» (дракон) и «этнического происхождения» *драконовых* ковров. Нет также единого мнения относительно того, какой из видов рисунков (ковры с изображением дракона, растительные, геометрические, медальонные) является в хронологическом отношении «первичным».

Существует и точка зрения, основанная на том, что в устном народном творчестве «аждах» (дракон) – отрицательный образ, символ засухи, и поэтому ковровая стилизация данного образа в качестве оберега не имеет логического объяснения. По мнению приверженцев данного мнения, «рисунок «Аждахалы» в традиционной форме развивался не в направлении от народного ковроткачества к ковроткачеству мастеров, а от дворцового к народному ковроткачеству» [20]. Появление же производства ковров группы «Дракон» на Кавказе сторонники этой точки зрения относят к первой половине XIII в. и связывают с «диалогом культур», ролью Шелкового пути, китайским, уйгурским, татаро-монгольским, тюрко-татарским влиянием и т.д.

Исследования драконовых ковров не обходятся также без обращения к истории одного из самых ранних и великолепных образцов, известного как ковер Граф-Дракон, хранившийся в Исламском музее в Берлине. Сам ковер во время Второй мировой войны (1945 г.) сгорел (или исчез), но осталась его большая цветная иллюстрация. Владельцем этого ковра был венский антиквар Теодор Граф, который приобрел его в дамасской мечети ориентировочно в 1890-е гг. [10, с. 97], т.е. в период активного мусульманского переселения (переселения) мусульманских народов Северного Кавказа [21].

Заметим, что при неоднократных попытках обнаружить «кавказские корни» ковра Граф-Дракон версия сходства этого шедевра мирового ковроткачества с драконовыми образцами лезгинских *сумахов* или аварско-кумыкских *думов* (весьма выразительных с точки зрения исконно кавказской оригинальности) не рассматривалась вообще.

Тема мифологических истоков мотива «аждах» (дракон) и, следовательно, происхождения драконовых ковров остается одной из самых дискутируемых в литературе о восточных и кавказских коврах. Нет также единого мнения относительно того, какой из видов рисунков (ковры с изображением дракона, растительные, геометрические, медальонные) является в хронологическом отношении «первичным». В некоторых трактовках процесса эволюции кавказских драконовых ковров особое значение придается историческому Шелковому пути и межкультурному диалогу как вероятным факторам заимствования драконовых рисунков у китайцев и уйгуров (причем не «напрямую», а через татаро-монгол (или, точнее, тюрко-татар в период их нашествия на Кавказ в первой половине XIII в.)). По другим предположениям, классический (т.е. китайский) драконовый рисунок служил фундаментом, некой матрицей, на основе которой стали создаваться ковры с «переходными», отражающими местные и новые орнаментальные тенденции, рисунками. Попытки вписать Дагестан в данный процесс представляются бесперспективными: аварские и кумыкские *думы*, равно как и лезгинские *сумахи* с драконовыми рисунками выделяются выразительными геометрическими композициями, которые отличаются от растительного орнаментального стиля, зооморфных и антропоморфных композиций персидских драконовых ковров на эпические сюжеты, такие как, например, «Бахрам Гур убивает дракона», «Рустем убивает дракона с помощью своего коня Рахша», «Гуштасп убивает дракона горы Сакила» и др. Однако это не означает, что драконовые мотивы в орнаментике дагестанских ковров не имеют соответствующей мифологической, фольклорной основы. Существует богатая устная традиция легенд, национальных эпосов и фольклора, в которых дракон-змея играет положительную роль, символизирует честь и достоинство. В дагестанской мифологии змея наделен не только вредоносными, но и полезными магическими качествами.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что ковровые орнаменты, как и изображения на глине, камне, дереве, железе, – это отражение в памяти материальной культуры окружающего мира, навыков, умений, мировосприятия людей определенной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schurmann Ulrich*. Caucasian Rugs: A Detailed Presentation of the Art of Carpet Weaving in the Various Districts of the Caucasus during the 18th and 19th Century. London: George Allen and Unwin Ltd, 1965 (1974). 360 p.
2. *Керимов Л.Г.* Азербайджанский ковер. Азербайджанский ковер. Т. I. Баку; Ленинград: Изд-во Акад. наук АзССР. 1961. 94 с.; Т. II. Баку: Гянджлик, 1983. 242 с.; Т. III. Баку, Гянджлик, 1983. 304 с.
3. *Ellis Charles Grant*. Early Caucasian Rugs. The Textile Museum (Washington, D.C.), 1975 (16 color plates 21 black and white). 112 p.
4. *Serare Yetkin*. Early Caucasian Carpets in Turkey. London: Oguz Press, 1978. Vol. 1: Carpets from the Türk ve İslâm Eserleri Museum and in Turkish mosques. 224 p.; Vol. 2: The development of the Caucasian carpet. 132 p.
5. *John T. Wertime and Richard E.* Caucasian Carpets and Covers: The Weaving Culture. Laurence King, 1995. 184 p.
6. *Chenciner R., Hunt D., Magomedkhanov M.* Dragons, Padlocks and Tamerlane's balls. A material-culture memoir of textiles, art, metals and myths. London, 2013. 128 p.
7. *Franses Michael, Pinner Robert*. The Caucasian Collection // *Hali*. 1980. Vol. 3, N 2. P. 96–115.
8. *Бартольд В.В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Курс лекций, читанный автором на восточном факультете Азербайджанского государственного университета в 1924 г. Баку, 1924. 150 с.
9. *Paul Ramsey*. Dragon Dums of Daghestan // *Hali*. 1996. Issue 89. P. 78–83.
10. *Boralevi Alberto*. Sumakh: Tappeti tessuti del Caucaso / Flat-woven Carpets of the Caucasus. Italy: Karta Firenze, 1986. 96 p.
11. *Chenciner R., Garunova S., Magomedkhanov M.* A survey of rugs and textiles with dragons from Azerbaijan and Dagestan // *Azerbaijani carpets*. Vol. 7, N 24. Baku, 2017. P. 62–71.
12. *Дебиров П.М.* История орнамента Дагестана. Возникновение и развитие основных мотивов. М.: Наука, 2001. 416 с.
13. *Дебиров П.М.* Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982. 240 с.
14. *Chenciner R.* Kaitag Textile Art of Daghestan. London, 1993. 207 p.
15. *Гарунова С.М., Ченсинер Р., Магомедханов М.М.* Цвет и символы в дагестанской фольклорной литературе и коврах: новый взгляд // *История, археология и этнография Кавказа*. 2018. Т. 14, № 3. С. 109–126.
16. *Ташицкая Э.Н.* Безворсовые ковры Дагестана. Махачкала, 1975. 84 с.
17. *Гарунова С.М.* Художественно-технические характеристики дагестанских безворсовых ковров // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2017. № 2(50). С. 133–142.
18. *Атаев Г.Д., Гарунова С.М.* К истории международной торговли дагестанскими коврами и ремесленными изделиями // *Клио*. 2019. № 6(150). С. 89–92.
19. *Гмыря Л.Б.* Страна гуннов у каспийских ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 289 с.
20. *Ибрагимов Т.* Кавказские «Драконовые» ковры (об истории появления мотива «дракон» в кавказских коврах). URL: <https://www.academia.edu/38330268/> (дата обращения: 07.08.2024).
21. *Алиев Б.Р.* Северокавказская диаспора. Историко-этнографическое исследование (вторая половина XIX – начало XI в.). Махачкала, 2024. 536 с.

Поступила в редакцию 28.09.2024 г.
Принята к печати 23.12.2024 г.

Гарунова Саида Магомедхановна, младший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: saida-mag@yandex.ru

Saida M. Garunova, junior researcher, Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: saida-mag@yandex.ru